

Владислав ТЫМИНСКИЙ

УТОПИЯ КАК ФОРМА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И КОНСТРУИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЙ

Сегодня одним из главных и наиболее актуальных вопросов, обсуждаемых в архитектурном сообществе, является смена профессиональных ориентиров и ценностных установок, обусловленных изменением социальной роли архитектуры в новейшем историко-культурном контексте.

Многие авторитетные представители профессии пишут, что архитектура вместе с другими искусствами попала в зависимость от капиталистического рынка, изменив идеалам гуманизма и отказавшись от высших этических ценностей. Как отмечал в своем интервью англо-американский географ-урбанист Дэвид Харви, многие архитекторы «прошли путь от вдумчивого критического взгляда на действительность к чисто прагматическому стремлению поскорее осуществить очередной мегапроект» [1] (*рис. 1*). По его мнению, «архитектура претерпела существенную трансформацию — от критической и социальной направленности в 70-е годы в сторону зависимости от интересов девелоперов, крупного капитала и больших государственных чиновников» [1].

Таким образом, в процессе глобализации капиталистических отношений, сформировалась новая система общественно-культурных ценностей, в которой архитектура заняла свое «специфическое» место, превратившись в инструмент материализации мировоззренческих концепций общества потребления, «смыслы бытия которого сводятся к одному — «зарабатывать, чтобы тратить» [2]. Данная проблема легла в основу исследований многих ученых и теоретиков, изучающих в своих работах данное социально-культурное явление.

Известный итальянский критик современной архитектурно-градостроительной практики Пьер Витторио Аурели в своих статьях-манифестах пишет о сведении роли архитектуры к функции инструмента фрагментирования урбанизированной среды, посредством превращения современного города в поле репрезентации частных экономико-политических интересов в рамках глобальных «трендовых» тенденций.

Фрэнк Гери. Музей Гуггенхайма в Бильбао, 1991–1997

С его точки зрения, мировые лидеры архитектурной мысли, несмотря на стилистическое разнообразие и несхожесть их произведений, полностью подчинились единым предельно жестким и однозначным «правилам игры», диктуемым либерально-демократическим обществом потребления. В своих критических эссе Аурели делает вывод, что данная ситуация привела к утрате архитектурой ее этической функции [3].

Но история внесла свои коррективы в сложившийся порядок вещей: мировой экономический кризис начала XXI века, потрясший весь мир, привел к резкому сокращению количества капиталовложений в архитектурно-строительную сферу, что, в свою очередь, заставило архитекторов критически осмыслить указанные ориентиры своей профессиональной деятельности.

В данной ситуации одной из важнейших проблем, возникающих в процессе поиска новых смыслов архитектурного творчества, является проблема автономизации архитектуры среди других видов человеческой деятельности, то есть выявление специфики и роли архитектуры в сложившемся социокультурном контексте, и возвращения профессии утраченной общественно-этической функции.

Центральным объектом концептуальных исследований современных теоретиков архитектуры становится город.

Голландский архитектор и урбанист Рэм Колхаас предлагает рассмотреть современный город в контексте господствующей сегодня «эстетики хаоса» [4]. В этой системе смысловых и ценностных координат больше нет места порядку,

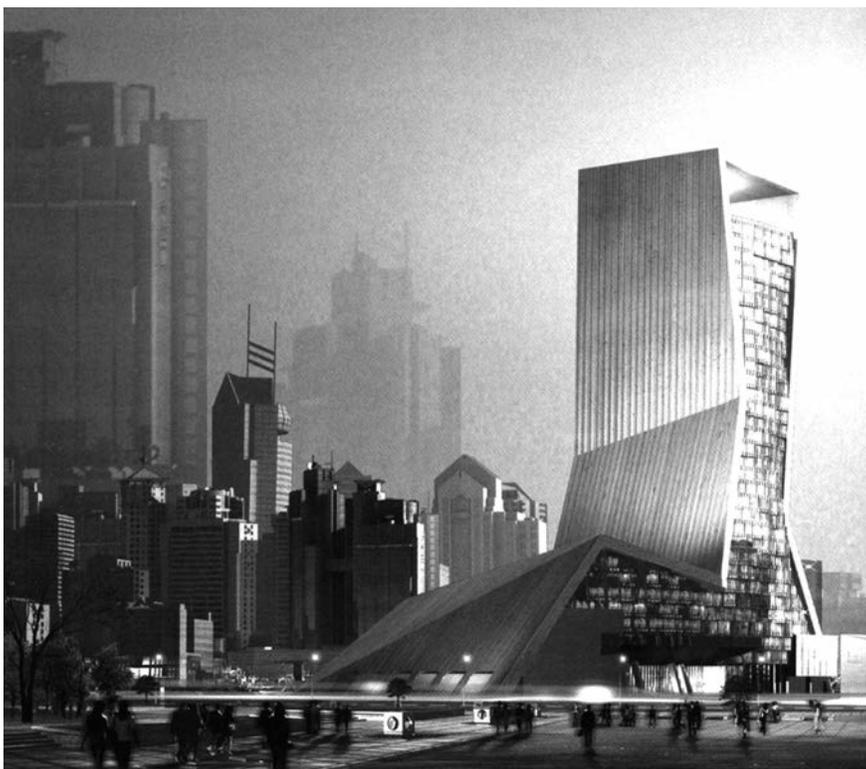
планированию, организованности в классическом понимании данных категорий. Движение к «неопределенности», неприятие любого рода границ и тотальная либерализация социокультурной сферы человеческих взаимоотношений привели к смерти урбанистики как профессиональной деятельности по изучению и проектированию «городского» [4].

Ей на смену пришла «сверхархитектура» с концепцией *bigness* — «крупных форм» [4] (рис. 2), олицетворяющих нигилистическое отношение к городской среде как к контексту, непосредственно влияющему на процессы формирования и аннигиляции определенных общественных, культурных, экономических, политических моделей в городах «прошлого». Анонимные, несмотря на часто «кричащую» форму, монументы-детища сверхархитектуры заповилили урбанистическое пространство городов по всему земному шару, являясь по сути продуктом массового потребления, одним из символов эпохи. При этом зачастую абсолютно не исследуется потенциал архитектуры «крупных форм» выступать мощным инструментом формирования определенных социально-культурных взаимоотношений в развивающемся современном обществе.

Рэм Колхаас видит конструктивный выход из сложившейся ситуации в коренном переосмыслении отношения к городу со стороны профессионалов, участвующих в его созидании (архитекторов, урбанистов, планировщиков, урбан-дизайнеров). Вместо панического отрицания и деструктивной критики современного города автор предлагает занять принципиально иную позицию, акцентируя первостепенную важность данной проблемы. Суть концепции Колхааса — формирование отношения к городу с позиции чуткого наблюдателя, способного коррелировать его развитие, не претендуя на право тотального управления данным процессом. Основным механизмом взаимодействия с «новым городом» является осознанное принятие его динамичности как первичного свойства.

Лидеры группы DOGMA урбанисты и теоретики Пьер Витторио Аурели и Мартино Таттара утверждают, что для решения описанных выше проблем необходима активность внутри самого профессионального сообщества, направленная на поиск новых стратегий развития архитектурного творчества. Одним из возможных вариантов поиска, испытанным историей развития европейской культуры, является утопия.

Несмотря на обилие научных изысканий по данной теме, ни в одном из них нет детального исследования процесса формирования архитектурно-градостроительных утопий в контексте их рассмотрения как инструмента конструирования новаторских моделей процессуально-пространственной реорганизации устоявшихся общественных отношений, что позволяет обратиться к этим вопросам, и делает такое исследование актуальным.

ОМА. Штаб-квартира TVCC в Пекине, 2008

Утопические идеи об идеальном обществе, устроенном по принципу «мега-машины», историк и писатель Л. Мамфорд прослеживает еще в работах Платона, создавшего модель города-архетипа — «древнюю живую машину (мощностью до 10 тыс. лошадиных сил), в которой каждый винтик чувствовал себя частью Высшего Порядка» [5].

Технократическая утопия (и различные варианты ее интерпретации) модернизировалась и обрела новый смысл в 1970-х в связи с мощным экологическим движением, направленным на сдерживание процесса тотальной технологизации ради выживания планеты. Но, несмотря на оппозиционность идеологических программ «экологического мышления» и техноутопизма, при сопоставлении прослеживается их значительное сходство: обе концепции заявляют первостепенную важность технологии как средства обеспечения будущего человечества. «Утопическая инициатива, традиционно принадлежав-

шая просвещенному властителю, великому ученому или благородному герою, перешла (в экоутопии. — В. Т.) к «рабочей группе» — проектировщикам, расчетчикам, операторам, среди которых обязательно наличие сверхчувственно гениально одаренной интуитивной личности, синтезатора идей, «преемника» сигналов из будущего» [5]. Автор делает вывод, что в начале нового века абсолютизация экологического сознания как некоего объективного условия выживания человечества, привела к оформлению очередной техноутопии, в процессе популяризации которой начали возникать критические концепции, указывающие на негативные последствия тотальной фетишизации социокультурной значимости сверхтехнологического проектирования во всех сферах жизнедеятельности человека.

Черты утопизма как особого рода креативной деятельности, направленной на критику существующей социальной реальности и создание картин лучшего будущего проявляются в искусстве в переломные периоды развития культуры на протяжении различных исторических периодов: начиная с античности, до «утопического бума» 1960–1970-х (рис. 3).

«Люди, как известно, всегда интересовались будущим, связывая с ним свои интересы, надежды, идеалы. Это объясняется тем, что человеку органически присущи целесообразная деятельность, ее мысленное продолжение в будущее, согласование средств и целей, ожидание непосредственных и более отдаленных результатов его активности» [6, с. 3]. Культурная важность утопии, по мнению В. А. Гуторова, во многом определяется ее прогностическим характером и выполнением ею важнейших гносеологических и социальных функций [6, с. 3].

В контексте кардинальных изменений, произошедших в естественных науках и философии в XX — начале XXI вв., а также в связи с развитием социальных отношений, основанных на коммуникации и глобализации, изменилось понимание сущности утопизма как особого типа мыследеятельности. «Идеалы социального сотрудничества и гуманного коллективизма в <...> контексте (угрозы катастрофы планетарного масштаба. — В. Т.) уже воспринимаются не как роскошь фантазии, но как единственная реальная альтернатива (мировому. — В. Т.) хаосу». Вследствие этого появляются различные виды утопий, такие как: «экоутопия» (глобальное научно-культурное проектирование), «практотопия» (система социальных реформ, направленных на построение лучшего, чем существующий, мира); «эупсихия» (программа стабилизации и раскрепощения душевного и духовного мира личности с помощью социальной терапии) и др. [5]. По мнению многих исследователей, большинство современных утопий являются не моделями совершенства, но критической альтернативой настоящему, или же попыткой представить себе реализованными последствия определенных теорий, моделей, проектов, концепций.

*Superstudio. Непрерывный монумент:
«архитектурная модель тотальной урбанизации», 1969–1971*

Не смотря на разнообразие социальных утопий, возникавших в различные периоды развития человеческой цивилизации, их неотъемлемой чертой является описание некоей пространственно-формальной среды (места, поселения, города, страны), в которой происходит развитие общества будущего. Таким образом, вместе с идеями утопий-процессов (концепций социальных реформ) развивались идеи утопий-форм («утопических городов»), образуя указанную выше системную модель будущего. Авторы утопий (включая Платона, Т. Мора, Ф. Бэкона, О. Хаксли и др.) всегда ощущали внутреннюю логику отношения между социальными преобразованиями и формально-пространственными изменениями среды, в которую помещалось «новое» общество.

Взаимоотношение между процессуальными и пространственными утопиями концептуально представил в своей лекции «Возможные городские миры» урбанист-географ Дэвид Харви, указав на то, что «чистота и безупречность любой «утопии процесса» неизбежно замутняется и ставится под сомнение тем конкретным способом, которым эта утопия реализует себя в пространстве. Так же, как всякая «утопия пространственной формы» входит в противоречие со спецификой мобилизованных для ее построения конкретных временных

процессов, «процессуальная утопия», со своей стороны, вступает в конфликт с пространственными параметрами и конкретными композиционными особенностями мест, необходимых для ее материализации» [7].

Изучение вопросов взаимоотношения пространственности и процессуальности в утопическом моделировании, типологизация утопий, анализ социальной природы и культурно-исторической обусловленности данного вида мышления открывают возможность разработки методики утопического проектирования и его применения в различных сферах профессиональной архитектурной деятельности.

Очевидно, исследование утопического мышления в архитектуре может дать множество практических результатов, обозначенных указанными выше тематическими областями. Одним из наиболее актуальных вопросов среди них является разработка концептуально-теоретических стратегий развития современных городов, учитывающих их структурные особенности и типологическую специфику в контексте новейшей социокультурной парадигмы. Особенно острой и сложной данная проблема является для большинства городов бывшего Советского Союза, включая нашу страну.

После распада СССР и обретения Украиной независимости в 1990-х, экономические связи, объединяющие различные отрасли производства в единую систему, были разрушены. В результате ломки старой экономической модели и перехода к рыночным отношениям одной из наиболее острых проблем, возникших в Украине, является проблема выживания и развития малых и средних городов, составляющих около 74% от общего количества городов и поселений нашей страны.

Градообразующие предприятия большинства из них относились к военно-промышленному комплексу; многие имели статус закрытых административно-территориальных образований. С распадом СССР градообразующие предприятия малых и средних городов охватил экономический кризис, что привело к неблагоприятной социальной обстановке, в первую очередь, — к катастрофическому увеличению числа безработных.

Такая судьба постигла и Светловодск — малый город в Центре Украины, образовавшийся в результате строительства Кременчугской ГЭС (рис. 4). Обусловленная политическим курсом Советского Союза 1960-х (время «холодной войны» с США) необходимость создания и реализации мегапроектов, демонстрирующих научно-техническую мощь СССР, стала предпосылкой создания самого крупного на территории Украины водохранилища при Кременчугской ГЭС. Жители затопленных в результате строительства ГЭС поселений были переселены на новообразованные территории поселка гидростроителей, получившего название Хрущев (рис. 5). В 1962 г. поселок был переименован

*Кременчугская ГЭС, Светловодск. 1959
Поселок Хрущев (современный Светловодск). Перспектива. 1961*

в Кремгэс, а в 1969-м город получил современное название Светловодск [8].

На протяжении советского периода истории города происходили интенсивные процессы урбанизации: в Светловодске формировалась градообразующая база (крупные промышленные зоны в западной и восточной частях города), активно велось строительство жилых и общественных зданий.

По такому сценарию город развивался до начала 1990-х. После распада СССР Светловодск охватил глубокий экономический и социально-культурный кризис, обусловленный переходом к зарождающимся рыночным отношениям, пришедшим на смену окончательно дискредитировавшим себя идеологическим догмам советского государства. Значительное количество местных жителей было вынуждено покинуть город в поисках лучшей жизни.

Ситуация в Украине напрямую влияла на способы выживания жителей Светловодска, заставляя искать разнообразные пути существования в складывающихся условиях. Как следствие — возникновение стихийного рынка в новом центре города, где начали организовывать свой бизнес мелкие частные предприниматели.

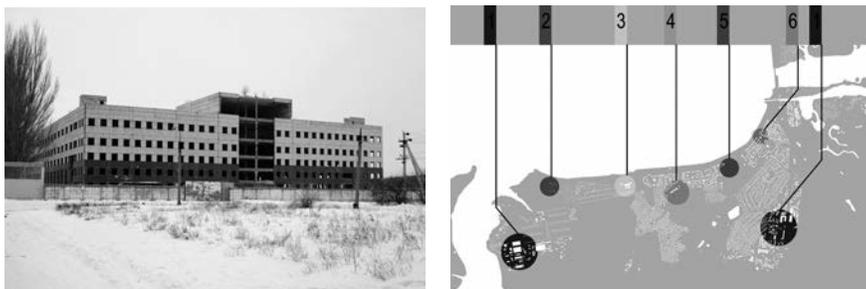
Вследствие разрыва экономических и политических связей, доминирующих в советский период, промышленность Светловодска, ориентированная на военно-оборонный сектор экономики, начала приходить в упадок. Масштабное строительство заводов-гигантов в сформировавшихся промышленных зонах города (районы Ревовка и Табурище) прервалось в 1991 г. вместе с распадом СССР. Созданные в 1960-х — первой половине 1970-х, в период реабилитации архитектуры советского авангарда 1920-х, заводы Светловодска являются ценными архитектурными памятниками времен расцвета индустриальной эпохи в СССР. Являясь масштабными архитектурными доминантами в структуре малого города, заводы-гиганты сегодня находятся в упадке. Большинство из них, подобно скелетам древних животных, возвышаются над городским ланд-

шафтом опустевшими фигурами заброшенных заводских корпусов (рис. 6).

В виду актуальности и остроты обращения к проблеме развития малых и средних промышленных городов бывшего СССР, а также уникальности социально-политических условий их образования, автором была проведена исследовательская работа по изучению данной темы, позволившая в рамках дипломного проектирования разработать архитектурную стратегию развития города Светловодска.

В результате анализа существующих подходов к решению проблемы выживания и развития малых индустриальных городов бывшего Советского Союза и США, была разработана архитектурная стратегия развития города как сервисного центра — ядра, аккумулирующего процессы в регионе и предоставляющего необходимый спектр услуг территориям, находящимся в зоне социально-экономического и культурного влияния. Поскольку Светловодск находится в окружении преимущественно сельских поселений (в состав Светловодского района входят 12 сельских Советов) и поселков городского типа (кроме Кременчуга и Комсомольска), в качестве стратегического вектора была выбрана ориентация на потребности сельскохозяйственного сектора как основного потенциального потребителя услуг, которые может предоставить город. Согласно выбранному вектору, были проанализированы связи Светловодска с регионом, разработана программа поэтапного развертывания представленной архитектурной стратегии, определены основные «точки роста» (рис. 7), среди которых: реновация промышленных объектов, экологизация их технологий и переоснащение под новые потребности рынка; развитие рекреационно-туристической зоны в районе яхт-клуба и городского рыбного хозяйства; реновация заброшенного здания завода «Калькулятор» под многофункциональный сельскохозяйственный сервисный центр; расширение существующей районной городской больницы по ул. Ленина с перспективой образования лечебно-диагностического медицинского центра; формирование общественно-культурного ядра в центральной части Светловодска (в зоне лесопарка им. Шевченко, являющейся сегодня неосвоенной «дырой» в структуре города) посредством строительства культурно-образовательного центра; благоустройство территорий города, непосредственно выходящих к водохранилищу (создание пешеходного пространства набережной).

Основой стратегии развития Светловодска является программная дифференциация «сельских» и «городских» типов социально-экономической активности, хаотично переплетенных в городе сегодня, за счет их концентрации в «буферных зонах» — функциональных узлах, аккумулирующих процессы, характерные для каждого из указанных типов. Она предполагает создание как процессуальных, так и пространственных границ в урбанистической структуре

*«Завод чистых металлов», Светловодск. 1960-е. Современный вид
Градостроительные узлы концепции развития города Светловодска,
проектное предложение*

города, способствующих интенсификации социально-политической и экономической активности жителей Светловодска. Один из таких буферов предполагается создать за счет реновации завода «Калькулятор» и перепрофилирования его во многофункциональный сельскохозяйственный сервисный центр — точку притяжения для приезжих из сельских поселений района. Создание такого центра — одна из ключевых позиций стратегии, обеспечивающая первичный экономический подъем города и расширение сферы его потенциального влияния.

Другим важнейшим градостроительным узлом, предусмотренным стратегией развития Светловодска, является Центр развития города — ядро, аккумулирующее в себе «городские» процессы с развитой культурно-просветительской и образовательной функцией (рис. 8). В основу концепции данного Центра легла идея «формы как границы» — один из принципов утопии «нового формализма» группы DOGMA. Использование данного приема позволило создать формально-пространственную структуру «города в городе» — узла, обладающего свойствами саморазвивающейся системы, формирующей вокруг себя урбанистическую среду нового качества.

Проведенная проектно-исследовательская работа показала, что изучение проблемы малых промышленных городов бывшего СССР требует комплексного подхода и привлечения специалистов из разных областей (урбанистов, социологов, экономистов, политиков, творческой интеллигенции и др.) в виду особой остроты и актуальности данной проблемы для нашей страны.

Актуализация проблематики поиска новых содержательных смыслов архитектуры, определение ее роли в формировании социокультурного пространства современных городов создают основу для определения и формирования новых задач профессии. В данном контексте, утопическое мышление является одним из перспективных теоретических источников, исследование которого

Центр развития города, проектное предложение. Интерьер

позволит совершить концептуальный «прорыв» в сложившейся кризисной ситуации в архитектуре. Это подтверждается интересом теоретиков Запада к данной теме в виде разработки архитектурно-градостроительных концепций и теорий, использующих элементы утопического проектирования. Примером может служить концепция «нового формализма» архитектурной группы DOGMA.

Апробация принципов утопического проектирования и прогностики при разработке архитектурной стратегии развития города Светловодска продемонстрировала значительный потенциал применения данного подхода при решении прикладных архитектурно-урбанистических проблем в условиях отсутствия централизованной политической и финансовой инициативы. Дальнейшее исследование архитектурно-художественного потенциала утопического проектирования в профессиональной деятельности позволит значительно расширить сферу творческих возможностей современных зодчих.

1. Харви Д. Возможно, наступил момент, когда архитекторы сумеют пересмотреть свою позицию. // Project international. — 2009. — № 22. — С. 165–169.

2. Ратанович А. Г. Пять проблем теории архитектуры XXI века. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2007/19/ra32.html>.

3. Ауфели П. Архитектура и содержание. Кто боится формы-объекта? // Project international. — 2007. — № 15. — С. 118–124.

4. Koolhaas R., Mau B. What Ever Happened to Urbanism? // S, M, L, XL. — New-York: Monicelli Press, 1995. — P. 959–971.

5. Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы / Пер. с разн. яз. / Сост., общ. ред. и предисл. В. А. Чаиковой. — М., 1991.

6. Гуторов В. А. Античная социальная утопия: Вопросы истории и теории. — Л., 1989.

7. Харви Д. Утопии и проблема их воплощения // Project international. — 2009. — № 22. — С. 158–165.

8. Интернет-видання «Світловодськ». Історія Міста. [Електронний ресурс]. — Режим доступа: http://svetlovodsk.com.ua/sv_history.html.

Аннотация. В статье «Утопия как форма художественной интерпретации и конструирования современных архитектурно-градостроительных концепций» исследована актуальная сегодня тема утопии и утопического сознания в современной архитектурно-градостроительной практике. Критически проанализирована ситуация, сложившаяся в профессиональном архитектурном сообществе. Выявлены основные проблемы архитектурной деятельности в контексте сложившейся системы культурных ценностей общества потребления. Проанализирован потенциал утопического проектирования как средства расширения творческих горизонтов профессии.

Ключевые слова: утопия, утопическое мышление, общество потребления, город, форма, граница.

Анотация. У статті «Утопія як форма художньої інтерпретації та конструювання сучасних архітектурно-містобудівних концепцій» досліджена актуальна сьогодні тема утопії та утопічної свідомості в сучасній архітектурно-містобудівній практиці. Критично проаналізовано ситуацію, що склалася в професійному архітектурному співтоваристві. Виявлено основні проблеми архітектурної діяльності в контексті сформованої системи культурних цінностей суспільства споживання. Проаналізовано потенціал утопічного проектування як засобу розширення творчих горизонтів професії.

Ключові слова: утопія, утопічне мислення, суспільство споживання, місто, форма, границя.

Summary. In the article «Utopia as a form of artistic interpretation and construction of modern architectural and urban concepts» examined the actual issue of utopia and utopian consciousness in the modern architectural and urban practice. Critically analyzed the situation in the professional architectural community. Revealed the main problems of architectural activity in the context of the existing system of cultural values of the consumer society. Analyzed the potential of utopian design as a means of expanding the creative horizons of the architecture.

Keywords: utopia, utopian thinking, consumer society, city, shape, boundary.